

ИРКУТСКІЯ

Епархіальныя Вѣдомости.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ.

ф-4154

Выходятъ еже-
недѣльно.
Цѣна год. изд. въ
Ирк. 5 р. съ пер.
по поч. 5 р. 50 к.

Подписка при-
нимается и въ
въ Редак. Иркут.
Епарх. Вѣд. при
Духов. Семинар.

декаб. 21

1885 г.

№

51



СОДЕРЖАНІЕ: Распоряженія епархіальнаго начальства. — Объя-
вленіе архипастырскаго благословенія съ благодарностію.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

Псаломщикъ тубинской Кирико-Іулитинской церкви
Иванъ Поповъ Его Пресвященствомъ, Пресвященнѣйшимъ
Макаріемъ, епископомъ киренскимъ опредѣленъ штатнымъ
псаломщикомъ къ означенной церкви.

Опредѣленіемъ иркутскаго епархіальнаго начальства,
на 29—30 октября с. г. состоявшимся, утверждены въ
должностяхъ: церковнаго старосты къ узколугской Троицкой
церкви крестьянинъ Захаръ Андреевъ Мисоринъ, и предсѣ-
дателемъ приходскаго помечительства означенной церкви
крестьянинъ Яковъ Семеновъ Василіевъ, на будущее трехлѣ-
тіе съ 1886 по 1889 г.

Псаломщическій сынъ Василій Титовъ. Его Преосвященствомъ, Преосвященнѣйшимъ Макаріемъ епископомъ киренскимъ опредѣленъ на праздно псаломщическое мѣсто къ тулуновской Покровской церкви, съ полученіемъ полного братственнаго дохоаа.

Объявленіе архипастырскаго благословенія съ благодарностію.

Женѣ китойскаго священника Ольгѣ Гагариной Его Высокопреосвященствомъ, Высокопреосвященнѣйшимъ Веняминомъ, архіепископомъ иркутскимъ и нерчинскимъ объявлено архипастырское благословеніе съ благодарностію и со внесеніемъ сего обстоятельства въ формулярный о службѣ ея мужа списокъ за открытіе въ своей квартирѣ въ сентябрѣ 1884 г. школы для дѣвочекъ, которыхъ въ числѣ десяти обучала чтенію, письму, счету, молитвамъ и пѣнію.

П Р И Б А В Л Е Н І Я

ВЪ

ИРКУТСКИМЪ ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ ВЪ ДОМОСТЯМЪ.

декабря 21 № 51. 1885 г.

СОДЕРЖАНІЕ: Религіозныя вѣрованія, семейные обряды и жертвоприношенія сѣверо-байкальскихъ бурятъ шаманистовъ.

Религіозныя вѣрованія, семейные обряды и жертвоприношенія сѣверо-байкальскихъ бурятъ шаманистовъ *).

Многочисленное племя сибирскихъ аборигеновъ-бурятъ, раскинувшихъ свои кочевья по обширнымъ степямъ и равнинамъ по ту и другую сторону Байкала, давнымъ давно ожидаютъ отъ нашихъ ученыхъ туристовъ и этнографовъ внимательнаго изслѣдованія и тщательнаго изученія ихъ національной жизни и религіозныхъ шаманско-ламайскихъ вѣрованій и обрядовъ. Родовой ихъ бытъ, религіозныя вѣрованія, нравы и обычаи, степень развитія ихъ промышленности—все это составляетъ интересную страницу въ исторіи культуры нашего роднаго края.

Наши сибиряки-буряты, какъ дѣти природы, еще до сего времени стоятъ одною ногою въ патріархальныхъ понятіяхъ, которыми началась ихъ историческая жизнь, дру-

*) Изъ лекціи, прочитанной авторомъ въ общемъ собраніи членовъ В. С. Отдѣла Императорскаго геогр. общества 27 ноября 1885 г.

Надѣюсь, что ор. миссіонеры, живущіе среди бурятъ, имѣющіе полную возможность вникать во всѣ проявленія ихъ религіозной жизни, не откажутъ недостающее восполнить: Св. В. К.

гою они опираются на сложившуюся цивилизацию русскаго народа, утрачиваютъ мало-по-малу нѣкоторыя особенности кочеваго быта, начинаютъ постигать, что не кочевая беззаботность, а стараніе и трудъ составляютъ прямое назначеніе челоувѣка, обреченнаго *въ потѣ лица съѣсти хлѣбъ свой*.

Восточно-сибирскій отдѣлъ Императорскаго географическаго общества, особенно въ послѣднее время, обратилъ свое просвѣщенное вниманіе на изученіе религіозной жизни и социально-экономическаго быта нашихъ сосѣдей монголо-бурятъ. Такъ, одинъ изъ просвѣщенныхъ членовъ отдѣла, назадъ тому два года, собралъ интересныя матеріалы къ изученію шаманства въ Сибири, а другой занялъ изслѣдованіемъ социально-экономическаго быта сибирскихъ аборигеновъ.

Сознавая всю важность поставленнаго на чреду монголо-бурятскаго вопроса, и мы въ свою очередь рѣшаемся внести посильную долю труда въ изслѣдованіе монголо-бурятской культуры. Въ видахъ пополненія этнографическихъ пробѣловъ, на первый разъ принимаемъ за честь предложить вамъ, м. г., свои наблюденія о религіозныхъ вѣрованіяхъ, семейныхъ обрядахъ и жертвоприношеніяхъ сѣверо-байкальскихъ бурятъ шаманистовъ.

Всѣ сѣверо-байкальскіе буряты, за исключеніемъ тункинцевъ и аларцевъ, содержатъ шаманскую вѣру, которая до половины минувшаго столѣтія была господствующей религіей всѣхъ инородцевъ восточной и сѣверной Азии и состоитъ въ обожаніи законовъ и силъ природы, почитаніи эжиновъ — духовъ, владычествующихъ надъ стихіями.

Шаманство у всѣхъ народовъ Азии тождественно въ принципѣ, разнообразится только въ своихъ отбѣнкахъ.

При тождествѣ происхожденія, образа жизни, нравовъ и обычаевъ тождественны, конечно, и основныя черты религіозно-шаманскаго культа. Но однакожь, при внимательномъ взглядѣ на религіозную жизнь нашихъ сѣверо-байкальскихъ бурятъ, не трудно замѣтить въ ней новыя элементы, элементы чисто мѣстные, національныя, привившіяся къ коренному шаманству подѣ влияніемъ окружающей природы и изустныхъ преданій о разныхъ эжинахъ — духахъ и покровителяхъ извѣстныхъ горъ, долинъ и лѣсовъ.

Такъ, если вѣрить показаніямъ монгольской лѣтописи Саян-гъ-сэцэнэ, доламайскіе агинцы призывали въ своихъ молитвахъ *Ононой-эжина* и *Бурджигинъ-ноена*. А хоринскіе ламанты, какъ передаетъ одинъ изъ забайкальскихъ миссіонеровъ, и до сего времени при тайномъ шаманствѣ распѣвають свой генеалогическій гимнъ:

Хонгъ шобунъ гархул-тай,

Хосунъ модонъ сэргэтэй,

Ширунхул эсэгэтэй,

Алунг-гова эка-тэй!

Г. е., происшедшій отъ лебедя, имѣющій коновязь березовую, отца Ширул-хула, а мать красавицу Алунгову“. Тогда какъ наши сѣверо-байкальскіе буряты, не имѣя даже и понятія объ агинскомъ *Бурджигинъ* и хоринскомъ *Ширун-хулъ*, приываютъ въ своихъ религіозно-шаманскихъ обрядахъ своего батюшку *Буха-ноена* (господина пороза), который пользуется популярностью не только у кудинскихъ и кансальскихъ, идинскихъ и балаганскихъ шаманистовъ, но даже чествуется аларскими и тункинскими ламантами.

Буха-ноенъ — это мнѣшескій порозъ, который, по разсказамъ шаманистовъ, на третьемъ году своей жизни от-

сталъ отъ стада своего небеснаго хозяина *эсэгэ малан-тэнгэрина* (пльшиваго старца-небожителя), окружилъ во семь разъ всю вселенную по горизонту, спустился на священную гору *Алтан-мундурга* и сталъ мычать такъ сильно, что затряслась земля, всколебалось святое море Байкаль. На крикъ его явился изъ-за Байкала *Тайужи хан тарлай эрэм-буха* (пестрый порозъ забайкальскаго князя) и сталъ съ нимъ бодаться (*мургундэ*). Побѣдивши своего противника Буха-ноэнь отправился къ *Бурунжаму* (юго-западному царю), обитающему на Саянскихъ горахъ, и тамъ женился на его дочери *Будан-хатун* (туманная госпожа). Отъ этой брачной четы родилась дочь красавица *Шаидын-хатун*, которая за свой злой и капризный характеръ удостоилась супружества съ *эрлинг-ханомэ* -- сатаной -- правителемъ ада.

По другому преданію шаманистовъ Буха-ноэнь, спустившись съ неба, переплылъ святое море Байкаль, явился въ урочище Тайджи-хана, днемъ, подъ видомъ *хухэ-Буха* (сиваго пороза) бодался съ пестрымъ княжескимъ порозомъ, а ночью, превращаясь въ ловкаго ловеласа, не безъ успѣха ухаживалъ за княжеской дочкой. Отъ этого ухаживанья княжеская дочь забеременила и родила сына по имени *Булагата*. Буха-ноэнь, не думая много, посадилъ свое дѣтище на рога и перенесъ на сѣверную сторону Байкала; здѣсь воспитывалъ его, укладывая на ночь спать въ свой *борхедохенэ* *). Въ это время проживала около Байкала знаменитая шаманка *Асой ханг-адегонэ*, у которой былъ единственный сынъ *Эхиритэ*. Однажды шаманка стала замѣчать, что ея мальчикъ Эхирить часто уходитъ на берегъ

*) Мѣсто, которое улежалъ скотъ.

Байкала и проводить тамъ цѣлые дни. Спросила Эхирита, зачѣмъ онъ часто ходитъ къ Байкалу и что тамъ дѣлаетъ въ теченіе цѣлаго дня? Эхиритъ сказалъ, что когда онъ приходитъ на берегъ Байкала, къ нему является неизвѣстный мальчикъ и играетъ съ нимъ цѣлый день. Асой ханъ адегонъ надоила собственнаго молока и приготовила кушанье *бонг* (*). Отдавая кушанье Эхириту сказала, что когда явится къ нему неизвѣстный мальчикъ, чтобы онъ угостилъ его этимъ кушаньемъ. Эхиритъ такъ и сдѣлалъ. Мальчикъ (Булагатъ), поѣвши кушанья бонгъ, уснулъ такъ крѣпко, что шаманка взяла его, унесла въ свою юрту и воспитала его вмѣстѣ съ своимъ сыномъ.

Мальчики выросли, поженились и сдѣлались родоначальниками двухъ многочисленныхъ бурятскихъ поколѣній *Эхиритовъ* и *Булагатовъ*.

Объ Эхиритѣ еще говорится въ преданіи, что будто-бы его воспиталъ *Эрэм гутар* (пестрый налимъ).

Вотъ почему сѣверо-байкальскіе буряты еще до сего времени при шаманствѣ въ честь Булагата начинають свой гимнь словами: „*Хуху бухани борхедогхон-гагархан*“, т. е. происшедшій изъ рывтвы сиваго быка. А въ честь Эхирита напѣваютъ:

„Эрэм гутар эхэтэй,

Далай эрхин эсэгэтэй,

Эхирит — нэрэ солотэй...“

т. е. пестрый налимъ твоя мать, берегъ моря твой отецъ, а твое почетное имя *Эхиритъ*.

Послѣ знаменитаго Буха-ноена въ порядкѣ шаманской мѣологии слѣдуютъ *югэн-барун хат* (девять югозападныхъ

*.) Бурятское кушанье бонгъ готовится изъ молока или сметаны съ поджареной мукой.

царей), 55 юговосточныхъ и 99 сѣверозападныхъ царей. Въ этому сонму духовъ принадлежитъ еще безчисленное множество *эжиновъ* — духовъ второстепенныхъ, личныя качества которыхъ неизвѣстны даже шаманамъ. Одни изъ нихъ обитаютъ при истокахъ Иркутта и Ангары, другіе при истокахъ Оки, на верховьяхъ Алтайскихъ и Саянскихъ горъ. Вообще по воззрѣнію шаманистовъ всѣ горы, лѣса и рѣчки наполнены милліонами добрыхъ и злыхъ духовъ, имѣющихъ большое вліяніе на жизнь и судьбу монголо-бурята.

О девяти югозападныхъ царяхъ шаманскія легенды ба-снословятъ различно. Однѣ говорятъ, что всѣ они дѣти эсэгэ малан-тэнгэрина (плѣшиваго старца небожителя), посланные имъ на землю для управленія бурятскимъ народомъ; а другіе напротивъ доказываютъ, что это души умершихъ знаменитыхъ шамановъ.

Замѣчательный изъ нихъ *Мунгуту Заринъ Эмнэкъ саганъ ноенъ*. Это духъ древняго знаменитаго шамана, который обитаетъ на шаманскомъ камнѣ, при истокѣ Ангары изъ Байкала. Это страшное мѣсто пользуется особеннымъ благоговѣніемъ бурятъ. На этомъ мѣстѣ въ важнѣйшихъ случаяхъ приводятъ бурятъ къ очистительной присягѣ. Быстрое теченіе Ангары, льющейся изъ Байкала, шумъ, съ которымъ воды ея разбиваются о камень въ мелкія брызги, катятъ клубящимися волнами, могутъ вселить ужасъ во всѣхъ, кто приближается къ этому страшному мѣсту. Но буряты считаютъ это мѣсто ужаснѣйшимъ въ свѣтъ, не только по видимой опасности его положенія, сколько по несомнѣнной вѣрѣ въ древнее преданіе, что здѣсь обитаетъ грозный духъ Мунгуту-Зарина. Въ этому то страшному мѣсту отправляютъ обвиняемаго въ преступленіи бурята въ

небольшой лодкѣ и, обративъ его лицомъ къ Байкалу, величіе котораго усиливаетъ страхъ, заставляютъ въ своей невинности поклясться на шаманскомъ камнѣ. Если обвиняемый благополучно возвратится на берегъ, значитъ оправдался. Но впрочемъ рѣдкіе покушаются на такую страшную присягу; большая часть рѣшаются скорѣе понести клевету и даже напрасное наказаніе.

Какъ только утвердилось у бурятъ вѣрованіе во влияніе духовъ на жизнь и судьбу человѣка, появилось и желаніе расположить этихъ духовъ въ свою пользу, привлечь счастье и благополучіе, отогнать отъ себя разныя бѣды и напасти. Средствомъ къ этому послужили разные обряды и жертвоприношенія.

Жертвоприношенія у сѣверо-байкальскихъ бурятъ шаманистовъ двухъ родовъ: частныя или семейныя, общія или коллективныя.

Изъ частныхъ жертвоприношеній самое обыкновенное и необходимое—это *бариса*, которая приносится каждымъ бурятомъ и дома и въ полѣ. Случится, на примѣръ, буряту проходить или проѣзжать мимо какой-нибудь мѣстности замѣчательной по своему эжину; онъ непременно принеситъ барису: привязываетъ къ дереву какой-нибудь глоскунтокъ, брызжетъ вино или арсу, бросаетъ мелкую монету или просто беретъ свою трубку, наложивъ въ нее табаку, поднимаетъ вверхъ, произнося слѣдующее возваніе къ эжинамъ:

Ая, хада уэй рэ баяхишт,

Хат минн!

Бутэт дэйрэ хухшит,

Бухат минн!

Энэ гархуй-ер ябохшит,

Тамхи татохо ябыш-та!

Т. е. О, цари мои, обитающіе на горахъ!

Божества мои, сидящіе на пригоркахъ!

Проходящіе этой дорогой!

Идите табачку курить.

Это говорятъ буряты —, *тамхи дэйрэ бартху*. (Поднимать табакъ вверхъ).

Нѣкоторыя мѣстности отъ постоянного приношенія барисы называются у бурятъ *барисанами*. Такихъ барисановъ безчисленное множество. Изъ нихъ ближайшій къ Иркутску называется по-бурятски *хондоголдой*. *Хондоголдо-емг* называютъ буряты *Веселую гору*, которая находится въ 10 верстахъ отъ Иркутска по якутскому тракту.

Возвращаясь изъ Иркутска, кудинско-капсальскіе буряты обыкновенно запасаются на дорогу водкой; поднявшись на хондоголдой, отворачиваютъ свои арбы (двухколесныя тѣлеги) въ сторону; ставятъ посудину съ виномъ на полъ, до которой всѣ усаживаются кругомъ; наливаются первая чашка вина; одинъ изъ артели встаетъ лицомъ къ Иркутску и, поднявши вверхъ чашку съ виномъ, произноситъ воззваніе къ покровителю города *Тулимэ саганъ ноену*:

Владыка Ангары эмыныкъ саганъ ноень!

Покровитель Иркутска тулимз саганъ ноень!

О, ты, соборъ, золотая глава!

Покровитель губерніи серебряная голова!

Будьте нашими спутниками въ дорогѣ,

Храните насъ при путешествованіи.

Окончивъ воззваніе, ораторъ плещеть изъ чашки вверхъ. Наливается другая чашка, ораторъ, сплеснувъ малу толику въ сторону, дѣлаетъ глотокъ и передаетъ слѣдующему, чашка идетъ круговую, пока не истощится. Наливается новая и съ тѣми же церемоніями проходитъ кругъ; только глотки дѣлаются полнѣе, чашка уже начинаетъ застаиваться въ рукахъ собесѣдниковъ и долго сосѣдь съ протянутою рукою ждетъ очереднаго визита чашки. Начинаются громкіе разговоры; кто-нибудь заведетъ горловую заунывную пѣсню; пѣсня подхватывается всѣми; обрывается при появленіи новой чашки, вновь начинается, пока не опустѣетъ артельная посуда. Окончивъ барису собесѣдники отправляются въ дальнѣйшій путь.

Домашняя *бариса* тѣсно связана съ разными обстоятельствами семейной жизни монголо-бурята. Начало паши и сѣнокоса, первый выгонъ скота въ поле, рожденіе и бракъ требуютъ молитвенныхъ возліаній эжину домашняго очага. Огонь домашняго очага пользуется особеннымъ уваженіемъ шаманистовъ. Въ него нельзя плевать, бросать такія вещи, которыя издають дурной запахъ, лить воду, замахиваться оружіемъ, вынимать ножемъ мясо, втыкать ножъ въ горящую головню.

Еще въ древности монголы обоготворяли огонь въ богинѣ *Утэ*. Наши сѣверобайкальскіе буряты олицетворяють его въ образѣ *Сагада ехэ обогона* и жены его *Сахали хотуна*. Эжинамъ домашняго очага приносится бариса всякій разъ, когда ѣдятъ и пьютъ. Отъ перваго куска мяса, отъ первой чашки араки буряты непременно мечеть малую толику въ огонь, произнося краткое привѣтствіе его эжину.

Въ случаяхъ болѣе важныхъ приглашается шаманъ для приношенія, такъ сказать официальной барисы. Жертва эта всегда приносится шаманомъ въ юртѣ. Къ четыремъ столбамъ юрты привязываются березки, а подлѣ огня ставят тарасунъ и кадку со сметаной, въ которую опущена *утхэ* (стрѣла), увѣшенная разными привѣсками и лоскутками. Въ юртѣ наступаетъ мертвая тишина; всѣ сидятъ на своихъ мѣстахъ поджавши подъ себя ноги. Шаманъ зажигаетъ *Жодо* (пихтовую кору), окуривается самъ, кадитъ тарасунъ и сметану и, наливши чашку тарасуну, ставитъ противъ дымоваго отверстія юрты, заводитъ на распѣвъ слѣдующее призываніе эжинамъ:

Владѣющіе эхомъ высокой горы,

Держащіе вѣтеръ широкаго моря,

Цари мои живущіе на горахъ,

Божества мои сидящіе на муравьяхъ!

Въ бѣдахъ вы наша опора,

Въ скудные годы являетесь милостивы,

Когда мы сидимъ въ юртахъ,

Вы не опасны для насъ,

Когда находимся въ пути,

Нѣтъ препятствій отъ васъ,

Въ темную ночь вы даете намъ свѣтъ,

Въ жаркій полдень доставляете тень,

Вы не даете потѣть нашимъ тарелкообразнымъ
лицамъ.

Не даете содрагаться пуговице-образнымъ серд-
цамъ!

Вы хранители головы,

Приготовители для рта!

Батюшка нашъ Сагадай обогонь!

Матушка наша Сахали хатунь!

Лежите вы въ сѣрой козьей дахъ,

Вряхтя раздуваете синій огонь,

Худое все отгоняете отъ насъ,

Доброе все приближаете къ намъ!

Окончивъ воззваніе, шаманъ плещетъ изъ чашки вверхъ.

Призываніе повторяется три раза. Изъ четвертой чашки шаманъ дѣлаетъ глотокъ и передаетъ ее хозяину юрты. Начинается обычный тухуранъ, т. е. круговое угощеніе тарасуномъ или водкой.

Рожденіе ребенка, а въ особенности хубуна (мальчика) фактъ весьма отраднѣй въ жизни монголо-бурята, а потому и сопровождается обильнымъ возліяніемъ араки.

Но такъ какъ въ дѣлѣ рожденія важно не только собственно рожденіе, но и все то время, которое начинается беременностію и кончается торжественнымъ привѣтствіемъ новорожденнаго со стороны родныхъ и знакомыхъ, то прежде чѣмъ говорить объ обрядахъ и жертвоприношеніяхъ при рожденіи брачонка мы скажемъ нѣсколько словъ о беременності.

Сдѣлавшись беременною въ первый разъ молодая бурятка сначала скрываетъ свое положеніе, а потомъ когда секретъ начинаетъ обнаруживаться, сказываетъ объ этомъ мужу и свекрови. Со времени такого объявленія беременной оказывается нѣкоторое вниманіе, но это вниманіе выказывается не столько въ освобожденіи ея отъ трудныхъ домашнихъ занятій, сколько въ удовлетвореніи желаній по отношенію къ пищѣ, признавая, что всѣ такія желанія не суть ея личныя, а желанія покровительствующаго ей

эжина. Но особенно сама беременная, находящаяся под влияніемъ всего, что ее окружаетъ, должна одно, какъ вредное удалять, а другое, какъ полезное, приближать. Хотя понятія о полезномъ и вредномъ на этотъ разъ у бурятъ нелѣпы и своеобразны, но тѣмъ не менѣе въ нихъ можно уловить нѣкоторую общую черту. Все что не красиво, что страдаетъ какимъ-нибудь физическимъ и нравственнымъ недостаткомъ, должно быть, какъ вредное, удаляемо. Такъ, напримѣръ, нужно избѣгать встрѣчи съ уродами, потому что ребенокъ можетъ родиться уродомъ, не ѣсть рыбы, не слушать крика закалаемыхъ животныхъ, п. ч. отъ ядѣнія рыбы ребенокъ не будетъ долго говорить, а отъ слушанія крика закалаемыхъ животныхъ не будетъ спать ночи. И такихъ примѣтъ безчисленное множество.

Главное дѣйствующее лицо при родахъ *отоло изи* (повивальная бабка). Она пользуется у бурятъ нѣкоторымъ почетомъ и уваженіемъ. Первою заботою отоло изи принять мѣры, которыя можно назвать акушерскими. Нѣкоторыя изъ нихъ до того странны, и безчеловѣчны, что нужно удивляться, какъ несчастныя женщины остаются послѣ того живы. Что можетъ быть гибельнѣе, напримѣръ, того варварскаго приема, какъ хул-дэши хутулху, (т. е. встряхиванье беременной вверхъ ногами). За мѣрами акушерскими слѣдуютъ мѣры обрядовыя и религіозныя. Спустя день или два послѣ родинъ назначается пирь, собираются гости званые и незваные, приступаютъ къ обряду *убэй олгодохо* (целенаніе ребенка), новорожденнаго кладутъ въ люльку (улугэй), слѣланную изъ досокъ въ родѣ продолговатаго ящика съ желобкомъ въ низу для стока мокротъ. Къ люлькѣ привѣшивается шкурка хорька или бѣлки. Одна изъ

стороннихъ женщинъ беретъ мозговую кость съ мясомъ и до трехъ разъ спрашиваетъ нарочито избраннаго мальчика: *хыни олгодожчи байна?* (Кого пеленають?) Мальчикъ отвѣчаетъ: *убэй*, т. е. ребенка. Послѣ этого сунуть въ ротъ ребенка кусокъ сала или бараньяго курдюка, и ставить люльку на хоймэръ (на западной сторонѣ юрты). Начинается жертвоприношеніе домашнему эжину. Колютъ барана, варятъ саломать, плещуть въ огонь топленое масло и мараютъ имъ другъ друга.

Затѣмъ спустя нѣсколько времени, не какъ не болѣе полугода, совершается жертвоприношеніе *Будизми-эжину*. Колютъ барана и шаманъ мараетъ ребенка внутренностию вывороченной брюшины въ знакъ того, что онъ поступаетъ въ шаманскую вѣру. Спустя нѣсколько дней послѣ *будня* опять приносится жертва *Улан-хурьгани эжину* въ знакъ того, что этотъ духъ будетъ хранителемъ ребенка во время всей его жизни.

Наконецъ на 6 или 7 году жизни мальчика приносится жертва *Шара тэхэли-эжину* (владыкъ желтаго козла). Эта жертва приносится шаманомъ на дворѣ, въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ юрты. Жертвенное животное *тэхэ* (домашняго козла) приводятъ сначала въ юрту, переднія ноги его кладутъ на плечи мальчика, за котораго приносится жертва, и выводятъ изъ юрты такъ, что козелъ идетъ только на заднихъ ногахъ. Шаманъ по обыкновенію дѣлаетъ воззваніе къ духамъ, мажетъ животное арсой или молокомъ, потомъ животное колютъ, мясо съѣдается, а кости жгутъ на жертвенномъ огнѣ. Веселый тухурянь оканчиваетъ жертву.

Говоря о частныхъ и семейныхъ обрядахъ и жертвоприношеніяхъ монголо-бурятъ слѣдуетъ сообщить еще о жертвоприношеніяхъ *онгонамъ* (домашнимъ изображеніямъ духовъ) и объ обрядѣ посвященія духамъ разнаго рода животныхъ; но жертвоприношенія онгонамъ очень просты: имъ брызгаютъ вино или тарасунъ, а иногда въ припадкѣ особеннаго усердія намажутъ имъ фізіономіи сметаной, всунуть въ ротъ кусокъ мяса или сала,—съ нихъ и довольно! Что же касается до обрядовъ почитанія и посвященія эжинамъ разнаго рода домашнихъ животныхъ, то обряды относящіеся къ почитанію животныхъ общи не только всѣмъ язычествующимъ народамъ Восточной и Сѣверной Азіи, но, по свидѣтельству историковъ, они существовали даже у древнихъ египтянъ и грековъ. Де-Брассъ въ своемъ прекрасномъ мемуарѣ о культѣ боговъ-фетишей указываетъ на несомнѣнную связь между зоолатріей египтянъ и грековъ и почитаніемъ животныхъ у кочевыхъ народовъ сѣверной Азіи. Изобрѣтательное суевѣріе во все времена, во всехъ странахъ и во всехъ классахъ животнаго царства счумѣло найти для себя предметы почитанія. Причины, почему у одного народа пользуются почитаніемъ однѣхъ, а у другаго другихъ животныхъ, зависятъ, конечно, отъ множества историческихъ, этнографическихъ и географическихъ и другихъ въ настоящее время трудно объяснимыхъ условій.

Какъ въ древнемъ фетишизмѣ вниманіе человѣка привлекалось значеніемъ того или другаго предмета въ области міровой жизни, такъ и въ зоолатріи предметомъ культа служили и служатъ такія животныя, которыя по своей пользѣ или вреду играютъ видную роль въ экономіи природы и которыя поражаютъ неразвитый умъ человѣка сво-

имъ необыкновеннымъ видомъ. Въ необыкновенной формѣ нѣкоторыхъ животныхъ, въ ихъ удивительныхъ инстинктахъ, въ образѣ жизни неразвитый умъ понада находить много загадочнаго, страннаго, что для него равно сверхъестественному.

Такъ, по свидѣтельству путешественниковъ, нѣкоторые африканскія племена почитаютъ тигра, приносятъ ему въ жертву домашнихъ животныхъ и въ честь его совершаютъ религиозныя пляски, другія же благоговѣютъ предъ крокодиломъ. Медвѣдь почитается на сѣверѣ, ягуаръ въ Бразиліи. Моарисы обожаютъ паука, въ нитяхъ котораго видятъ путь къ небу. У племень пастушескихъ, каковыми были всѣ монгольскія племена въ отдаленную эпоху своего существованія, все богатство состояло въ стадахъ, — скоть доставлялъ имъ и пищу и одежду, и потому неудивительно, что въ ряду почитаемыхъ ими животныхъ видную роль играютъ тѣ животныя, сѣмя которыхъ плодитъ стада, какъ на прим., *буха* (порокъ), *хуса* (баранъ), *тэхэ* (козелъ).

Какъ въ фетишизмѣ неодушевленные предметы не были для человѣка богами въ собственномъ смыслѣ этого слова, а только носителями божественной силы, ибо безпристрастное изслѣдованіе древнихъ религій прямо говоритъ противъ гипотезы непосредственнаго натурализма, такъ и въ зоолатріи мы находимъ не обоготвореніе животныхъ, а только почитаніе ихъ по связи съ различными сверхъестественными существами, воплощеніемъ которыхъ онѣ признаются.

Такое значеніе имѣли и имѣютъ священныя животныя во всѣхъ религіяхъ, гдѣ культъ животныхъ составляетъ характеристическую черту народныхъ повѣрій. Аписъ егип-

Тянь пользовался особеннымъ уваженіемъ своихъ поклонниковъ: въ честь его былъ созданъ храмъ въ Мемфисѣ, ему прислуживали цѣлыя толпы жрецовъ, а когда онъ издыхалъ, чадѣвали глубокой трауръ, поднимали плачь и рыданіе. Но это былъ не просто быкъ черной масти съ бѣлымъ пятномъ на лбу, а прямо воплощеніе Озириса.

Такъ точно и *Буха ноенз* (господинъ порозъ) нашихъ бурятъ не просто *буха* чалый порозъ, а *Буха ноенз* порозъ божественнаго происхожденія, порозъ—*хубилганз*, обладающій силою магическихъ превращеній, онъ въ то же время и быкъ и человѣкъ. Какъ быкъ, онъ принадлежалъ стаду своего небеснаго домохозяина Эсэгэ маланъ тэнаэри на, какъ человѣкъ, онъ принадлежалъ монгольской расѣ, имѣлъ въ супружествѣ неописанную красавицу (конечно, въ бурятскомъ вкусѣ) *Буданз хатунз*; и только по смерти своей сдѣлался божествомъ, обитающимъ на верховьяхъ Саянскихъ горъ. Религіозное сознаніе шаманистовъ хотя и глубоко чтитъ своего батушку *Буха ноена*, но при этомъ вѣритъ тому, что при жизни своей онъ былъ не болѣе какъ *хубилганомз*, только воплощеніемъ божества. Буряты чтутъ тѣ мѣста, по которымъ шествовалъ *хубилганъ Буха ноенз*, благоговѣють предъ тѣми предметами, къ которымъ онъ соприкасается. Мѣста, гдѣ онъ отдыхалъ, щипалъ траву, пилъ воду, хлѣбъ, и въ некоторыхъ изъ нихъ онъ чесался—все это составляетъ предметъ глубокаго почитанія шаманистовъ. Капсальскіе буряты до сего времени приносятъ жертвы въ таловой рощѣ, на правомъ берегу рѣчки Куяды, гдѣ, по ихъ мнѣнію, *Буха ноенз* стоялъ, скрываясь отъ лѣтняго зноя, а тункинскіе буряты почитаютъ высокую лиственнь, о которую онъ чесался и съ благоговѣніемъ указываютъ несчаную

горку *Элигхун-болтокс*, на которой Буха ноень имѣлъ свой борхедогхонъ (мѣсто для лежанія).

Но всеѣмъ этимъ не ограничивается еще почитаніе *Буха ноена*. У сѣверо-байкальскихъ бурятъ ему посвящаютъ съ разными обрядами и жертвоприношеніемъ сиваго порога, а проводнику его *Уха солбону* рыжую лошадь. Обрядъ посвященія производится непременно шаманомъ, который предварительно обмываетъ животное теплой водой, окуриваетъ верескомъ или богородскою травой, затѣмъ наливаетъ въ чашку вина и ставъ лицомъ къ югу, призываетъ того духа, которому посвящаетъ животное, называетъ его хранителемъ хозяина, проситъ его принять приносимую жертву, охранять скотъ и обогащать хозяина. Окончивъ призываніе, шаманъ поливаетъ виномъ на шею животнаго, говоря: „Сень Буха ноену, который будучи еще качерикомъ, 8 разъ окружилъ вселенную по горизонту, спустился на священную гору Алтанъ Мундурго, замычалъ такъ ужасно, что потряслась земля, веколебалось море Байкаль“. Затѣмъ, поливая на спину животнаго, произноситъ: „Сэкъ Буха ноену, который женившись на Буданъ хатунъ, размножилъ потомства эхиритовъ и булагатовъ“. Съ такими же точно обрядами совершается посвященіе козла *Шара тэхэйнъ эжину*, посвященіе барана *Уланъ хургани эжину* бычьей лошади *Хора моринэй эжину Ажира боло*.

Все посвященныя эжинамъ животныя пользуются почитаніемъ у бурятъ, имъ навязываютъ *заланы*, т. е. разноцвѣтныя тряпки. А лошадей и быковъ, хотя и употребляютъ въ работу, но ни за что не дозволяетъ сѣсть на нихъ женщинъ, ибо женщина, по возрѣнію бурятъ, существо нечистое и можетъ осквернить посвященное духамъ животное.

Есть много и другихъ мелкихъ обрядовъ состоящихъ въ почитаніи и посвященіи духамъ разнаго рода домашнихъ и дикихъ животныхъ, но говорить объ нихъ я не рѣшаюсь, какъ бы не утомить вниманіе читателей, да и ориентироваться въ этой массѣ религіозныхъ представленій, вѣрованій и обрядовъ, открыть господство какого-нибудь твердаго и опредѣленнаго закона движенія мысли въ этой хаотической игрѣ бурятской фантазіи составляетъ задачу, могущую привести въ затрудненіе самаго смѣлаго этнографа. Что же касается обрядовъ и жертвоприношеній общественныхъ и вѣрованій шаманистовъ въ злыхъ духовъ, то объ этомъ я буду имѣть честь сдѣлать сообщеніе въ одномъ изъ будущихъ собраній, а теперь позвольте мнѣ сказать, какъ обыкновенно пишутъ; продолженіе будетъ впредь“.

С. В. Копыловъ.

Ноября 27 д. 1885 г.

Редакторъ, Ректоръ Иркутской Духовн. Семинаріи Архимандритъ *Григорій*.

Печатать дозволяется: Цензоръ, Инспекторъ Иркутской Духовной Семинаріи *Яковъ Стуковъ*.